

ЗАБЫТЫЕ ТИТАНЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ И ЦИФРОВОЙ РУБЛЬ

Александр Иванович ЯКОВЛЕВ¹, к.э.н.,

Анна Васильевна ЗАТЕВАХИНА², к.э.н., доцент²

¹Кафедра экономической теории, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина)

Адрес для корреспонденции: А.И. Яковлев, 197376, ул. Профессора Попова, д. 5
Санкт-Петербург, Россия

²Кафедра экономики и финансов предприятий и отраслей, Автономная некоммерческая организация высшего образования «Международный банковский институт имени Анатолия Собчака».

Адрес для корреспонденции: А.В. Затевахина, 191023, Невский пр., 60, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация

В статье дан критический анализ фундаментальной, с точки зрения теории денег, работы Артура Сесила Пигу «The Value of Money» (1917), наиболее полно определившей позицию Кембриджской школы неоклассики по вопросу покупательной способности денег и известной в истории экономической мысли как теория кассовых остатков. «Меновая стоимость денежной единицы» определяется Кембриджской школой путем рыночного равновесия спроса и предложения денег, где спрос (на деньги), по мнению сторонников школы (А. Маршалл, А. Пигу), формируется ресурсами общества и коэффициентом предпочтения ликвидности k , а предложение (денег) устанавливается правительством как неопределенная величина законного платежного средства и в итоге выражается в денежном товаре, т.е. в золоте.

Авторы приводят доводы в пользу того, что теоретическая конструкция ученого, в основе которой реальные денежные запасы, представляет собой экономическую фикцию, поскольку покоится на неверном методологическом подходе, а в рассуждениях ученого допущены явные логические ошибки.

Ключевые слова

Деньги, реальные денежные запасы, коэффициент монетизации, модель, спрос и предложение денег, теория кассовых остатков.

UDC 336.74

FORGOTTEN TITANS OF ECONOMIC THOUGHT AND THE DIGITAL RUBLE

Alexander I. IAKOVLEV¹, PhD in Economics

Anna V. ZATEVAKHINA², Candidate of Economic Sciences, Associate Professor

¹Assistant professor of Department of economic theory of Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»

Address for correspondence: Iakovlev A.I., 197376, St. Petersburg, st. Professora Popova, 5

Abstract

The article provides a critical analysis of the Arthur Cecil Pigou's work, fundamental from the theory of money point of view, «The Value of Money» (1917), which most fully defined the position of Cambridge neoclassic school on the issue of the purchasing power of money and is known in the history of economic idea as cash-balance approach. The «exchange value of a monetary unit» is determined by Cambridge school by the market supply and demand balance, where the demand (for money), according to the school supporters (A. Marshall, A. Pigou), is formed by the society's resources and the rate of liquidity preference «k», and the supply (of money) is set by the government as an indefinite amount of legal tender and is eventually expressed in a money commodity, i.e. in gold.

The authors argue that the scientist's theoretical construction based on real money balance is an economic fiction, since it is based on an incorrect methodological approach, and obvious logical errors have been made in the scientist's reasoning.

Keywords

Money, real money supply, monetization index, model, money supply and demand, cash-balance approach.

Введение

Апофеозом бурных и неоднозначных событий в цифровой экономике в течение 2020 года стала, на наш взгляд, публикация 13 октября в формате «Доклад для общественных консультаций» программного документа Банка России «Цифровой рубль» и последовавшее его обсуждение.

Цифровые деньги можно теперь писать без кавычек, что бы ни значило это понятие, в академических кругах и в деловой среде имело и имеет место активное обсуждение термина, который стремительно вошел в научный оборот, более того, в правовое поле. Научная легализация категории «цифровые деньги» упоминается в докладе без развернутого методологического обоснования, что вполне закономерно, это требует если не пересмотра, то актуализации наших представлений об эволюции (развитии) денег как последовательной смене форм их носителей или денежных знаков.

Что касается фундамента, на котором возведена теоретическая концепция mainstream, то он был заложен еще в начале прошлого, XX-го, века монографиями Ирвинга Фишера (1911) и Альфреда Маршалла «Деньги, кредит и торговля» (1923). Подход классиков неоклассики только кажется диаметрально противоположным, а на самом деле, хотя уравнение обмена и Cambridge cash-balance approach конкурируют вот уже более сотни лет, методологически они очень близки, это две различные версии всеобщего закона

денежного обращения, которые пытаются установить причинно-следственную связь между количеством денег, точнее, денежных знаков, и ценами на товары, т.е. пытаются определить ценность или цену самих денег.

Иными словами, нам предлагаются разные выводы из всеобщего закона денежного обращения как единого методологического основания. Известна точка зрения на этот счет К. Маркса: «...Эти три фактора: движение цен, масса обращающихся товаров и быстрота обращения денег могут изменяться в различных направлениях и в различных пропорциях; поэтому подлежащая реализации сумма цен, а следовательно, и обусловленная ею масса средств обращения могут также претерпевать многочисленные комбинации» [7, с. 133], что, собственно, и произошло в начале XX века.

Надо признать, что полемика того времени была вызвана не столько технологическими новшествами в системе платежей, хотя и они бесспорно были, сколько изменениями как в организационно-экономической инфраструктуре банковского дела, так и в экономике в целом, что позволяет говорить о смене формы меновой стоимости (на смену товарным деньгам в форме золотого стандарта пришли деньги фиатные и кредитные/банковские). На наш взгляд, это требовало ре-актуализации закона денежного, точнее, товарно-денежного обращения. Логично ожидать его корректировки и сегодня, в свете появления и развития так называемых «цифровых» денег.

Парадокс истории. Видимо, только специалистам по теории денег еще известно имя Бенджамина Андерсона (Benjamin Anderson), а в начале прошлого века оно было популярно настолько, что фундаментальный труд последнего «The Value of Money» (Стоимость/Ценность денег)²[1], опубликованный весной 1917 года, стал причиной бурного, но плодотворного обмена мнениями по поводу роли и места количественной теории денег между двумя ведущими тогда (mainstream того времени) научными школами: австрийской и неоклассической.

Бенджамин Андерсон, будучи сторонником австрийской экономической школы и на тот момент преподавателем университета в Гарварде, полагал, что «Проблема стоимости денег является частным случаем общей проблемы стоимости в экономике. «The problem of the value of money is a special case of the general problem of economic value» [1, p. 3]. Такого же мнения придерживался и Людвиг фон Мизес. Но если в эпоху золотого стандарта с этим как-то мирились, то сегодня такой подход не популярен настолько, что наделяет австрийскую экономическую школу статусом «альтернативной», а проще

² Работа Андерсона – последовательная и всесторонняя критика монографии Ирвинга Фишера «Покупательная способность денег» – так и не переведена на русский язык.

говоря, маргинальной. А поскольку «количественная теория денег рассматривается подробно, в деталях и в различных ее трактовках» [1, р. X], Андерсон, как и все представители австрийской школы тех времен, был уверен и посвятил свой трактат доказательству того, что «количественная теория совершенно не верна/не состоятельна (utterly invalid)» [1, р. X]. В итоге даже нетривиальный Иосиф Шумпетер, претендовавший на объективность и заигрывавший с марксизмом, в своем многотомном труде «История экономического анализа», будучи безусловным сторонником количественной теории, не стал (не смог) комментировать работы Андерсона и Мизеса в части критики этой теории [2, с. 1434].

Ответ не заставил себя ждать. Трактат Андерсона еще лежал на прилавках книжных магазинов, когда «ученик и последователь Альфреда Маршалла», можно сказать, его душеприказчик и преемник, несостоявшийся классик Артур Сесил Пигу (Arthur Cecil Pigou), на тот момент руководивший кафедрой политэкономии университета в Кембридже, публикует в одном из старейших в США авторитетном экономическом издании «The Quarterly Journal of Economics» свою небольшую по объему, но фундаментальную по значению работу под тем же названием «The Value of Money» [3].

Пигу признается, что публикация «была продиктована вышедшим недавно фолиантом профессора Андерсона о ценности денег», но тут же, по большому счету, отмахивается от вполне обоснованной критики последнего, заявляя, что его [Пигу] «статья не имеет прямого отношения к содержанию этой книги» [3, р. 38].

Что интересно и важно, в этой статье Пигу – представитель неоклассики – впервые, в отличие от А. Маршалла, заявляет, что «полемика на эту тему больше не нужна» [3, р.38]. т.е. соглашается с позицией И. Фишера, заявляя: «Я ни в коем случае не являюсь “противником” самой “количественной теории” или враждебным критиком ясного анализа профессора Фишера» [3, р.39] и представляя формулы определения ценности денег как «просто некий инструмент» [3, р. 65], как «просто средства» [3, р. 39], при этом ухитряясь «настаивать» на том, что его «механизм... совершенно отличается от механизма, разработанного профессором Ирвингом Фишером в его замечательной [работе]» [3, р. 39]. Артур Пигу понимает, что у неоклассики как теории общие противники и поэтому представляет дело чуть ли не как союз, описывая позицию Фишера и свою, точнее, университета в Кембридже и своего учителя А. Маршалла, таким образом: «Он рисует свою картину с одной стороны, а я – с другой. Но картины, которые мы оба рисуем, изображают одно и то же» [3, р. 39].

Конечно, у Ирвинга Фишера были предшественники. Это Локк, Юм, с оговоркой, Джон Стюарт Милль. Были предшественники и у Пигу. Это в первую очередь Томас Тук. Как хорошо известно, Карл Маркс также был противником количественной теории денег, точнее, он вообще не придавал ей того гипертрофированного значения, которое она приобрела впоследствии (в XX веке).

Если говорить о формуле, о простой, но все же математической модели, то в начале своей работы Пигу предлагает такое уравнение:

$$P = k/MdR \quad (1),$$

где R, по версии Пигу, – «общие ресурсы», так ученый называет товарную массу, которой «пользуется все общество» [3, р. 42], выражая ее в пшенице³; «k – доля этих ресурсов, которую оно [общество] предпочитает хранить в форме права собственности на законное платежное средство; Md – количество единиц законного платежного средства и P – стоимость или цена за единицу этого права собственности в пересчете на пшеницу» [3, р. 42]. Если k и R – константы, как считает ученый, что важно, то получается уравнение спроса на право собственности на законное платежное средство «в пересчете на пшеницу». Стоит отметить, что в учебниках об этой первоначальной версии почти не пишут.

Пигу, вслед за А. Маршаллом, считает, что для определения категории «менная стоимость единицы денег» [3, р. 42] «было бы удобно принять план, подобный тому, который использовал д-р Маршалл в его неопубликованной работе ...» [3, р. 42] и т.д., т.е. следует по стопам учителя.

Сам «классик неоклассики» А. Маршалл полагал, что деньги – это своего рода счетная единица, которая должна быть «воплощена» в каком-либо товаре (своего рода *stablecoin* начала прошлого века, в отличие от Д. Рикардо), поэтому и появляются сначала у него⁴, а затем и у Пигу такие замысловатые конструкции: «Совокупность всех товаров представлена таким-то количеством бушелей пшеницы; а ценность денег – это количество бушелей пшеницы, которое купит одна ее единица» [3, р. 40]. Цель таких построений в общем-то очевидна: «Эта ценность, как и ценность всего остального, определяется общими условиями спроса и предложения» [3, р. 40]. Именно спрос и предложение как всеобщий экономический закон определяют, по мысли Маршалла, а затем и Пигу, на своих универсальных «весах» ценность всего на свете, и именно поэтому, как считает последний, «исследование причин, от

³ Кроме банкиров, чье положение исследуется отдельно [3, р. 41].

⁴ Работа Альфреда Маршалла «Money, Credit & Commerce» была опубликована только в 1923 году, хотя ее основы были созданы еще в 80-е годы, о чем пишет Дж. М. Кейнс. Так и не переведена на русский язык.

которых зависит ценность денег, означает... детальный анализ этих двух групп сил» [3, р. 40].

Задача как-то выстроить теорию денег в эпоху золотого стандарта не на основе трудовой теории стоимости, а на основе закона спроса и предложения – задача не из легких. Поэтому формула Пигу (предложенная А. Маршаллом) в принципе снимает вопрос методологии денег. Появляясь как бы «из ничего», из очевидного (на уровне здравого смысла) соображения, она сразу постулирует: в формуле есть R (товарная масса) и есть Md («количество единиц законного платежного средства» [3, р. 42] или масса денежных знаков), между ними – равенство, точнее, пропорция или уравнение (с учетом некоего фактора k). И далее объясняется, что это за фактор k .

При этом ни слова о том, откуда взялась именно такая формула и при наличии каких условий она может быть выведена/получена⁵. Забавно, что уравнение спроса Пигу – речь пока только о нем – неявно, конечно, уже предполагает равенство спроса и предложения. Вот только чего? Уравнение-то необычное: с одной стороны – «законное платежное средство», или деньги, а что с другой? «Общие ресурсы» как совокупность всех товаров? И что тогда в случае равенства обеих сторон? Есть в этом случае спрос и предложение или все-таки только спрос? Как известно, в основе колебаний спроса и предложения должно лежать нечто, что их рано или поздно уравнивает. И это нечто – вне (обеих сторон) уравнения, точнее, в обеих частях присутствует и именно поэтому их уравнивает. У Рикардо и Маркса это нечто – труд.

Ну, и самое интересное: как с помощью спроса и предложения найти не «ценность», или цену товара (определяемую по принципу качелей: много товара – мало денег, и наоборот), как это принято в теории неоклассики, а на этот раз «ценность» самих денег?

Зададимся вопросом: почему у Пигу вообще появляется это «в пересчете на пшеницу»? Потому что «общие ресурсы», которыми пользуется все общество, есть совокупность различных по качеству товаров или потребительских благ и суммировать их «просто так» нельзя. Они могут суммироваться на основании некоего общего свойства или качества. Но, чтобы в принципе избежать обсуждения проблем, связанных с определением совокупной товарной массы и процедурой суммирования различных по качеству и количеству благ, что все-таки пытался делать Ирвинг Фишер, Артур Пигу поступает гениально просто: заменяет разноголосицу товарной массы одним-единственным товаром, которым, собственно, и представлена, в его версии, «совокупность всех товаров», т.е. заменяет их неким количеством

⁵ Раздел «II Определение «ценности денег» на эти вопросы не отвечает [3, р. 39].

бушелей пшеницы. Пшеница у Пигу – это не просто товар, это своего рода денежный агрегат, это *numéraire*. Сам факт суммирования, по сути, на основе всеобщего эквивалента даже без упоминания об этом – методологическая ошибка.

В России практически неизвестна та уничижительная критика, которой подверг в своей работе «Трактат о деньгах»⁶ различные аспекты уравнения Пигу Дж. М. Кейнс. Что касается собственно измерения количества реальных средств «в пересчете на пшеницу», то мнение лорда Кейнса таково: «Профессор Пигу скорее уклоняется, чем решает вопрос о типе уровня цен, к которому должно привести наше фундаментальное уравнение. Задача любого количественного уравнения состоит в том, чтобы определить не цену пшеницы, а, так или иначе, покупательную способность денег. Но его уравнение либо не вносит никакого вклада в решение этой задачи, либо делает это, подразумевая, что относительные цены неизменны, все индивидуальные цены и, следовательно, все уровни цен фиксируются в терминах пшеницы, что далеко от фактов» [4, р. 208].

Но если все-таки согласиться с ученым из Кембриджа и принять его версию «в пересчете на пшеницу», то далее предстоит понять, почему в одной и той же формуле у Пигу имеют место одновременно и некое количество ресурсов, которую общество хранит «в форме права собственности на законное платежное средство» и собственно само «законное платежное средство» в некоем неопределенном количестве. И почему в таком случае P (цена за единицу права собственности в пересчете на пшеницу) зависит, хотя и обратно пропорционально, от M (количества законного платежного средства)?

На рубеже XIX и XX веков активно формировалась новая финансовая система, при этом роль коммерческих банков неизмеримо возросла, точнее, возросла и качественно менялась, менялась и роль «кредита и тех орудий, которые он создает для себя (кредитных денег и т. п.)» [5, с. 152]. Основным инструментом или орудием кредита являлся тогда вексель (по определению, *bank note* – банковская записка или ценная бумага коммерческого банка), который стремительно превращался в банкноту или законное платежное средство центрального банка, превращался в денежный знак.

Таким образом, банковская система, развиваясь, трансформировала «под свои нужды» систему денежную, а результатом этой трансформации стала в итоге отмена золотого стандарта. В начале XX века эта трансформация денежного обращения начала получать теоретическое обоснование.

⁶ Эта работа Дж. М. Кейнса так и не переведена на русский язык.

Ирвинг Фишер момент перехода даже зафиксировал в своей знаменитой формуле, когда предложил «исправленное уравнение обмена», в котором появляется так называемое «депозитное обращение», более того, ученый утверждал следующее: «Банки доставляют средства обращения двух родов, а именно банкноты, которые являются деньгами, и банковские депозиты (или права требования денег), которые не являются деньгами» [6, с. 50].

Пигу это видит и понимает, он также фиксирует этот момент перехода и его двойственность путем различения права собственности или титула на законное платежное средство и собственно самого законного платежного средства, поскольку и Фишеру, и Маршаллу, и Пигу мысль определять срочные депозиты, а речь идет о них, как род или форму денег казалась крамольной, даже абсурдной, ведь тогда общим местом было понимание денег именно как средства обращения, обслуживающего метаморфоз $T - D - T$ как процесс движения товара из рук в руки.

Следующий шаг очевиден: имеет место определение мотивов спроса на собственно «законное платежное средство»⁷. Каким образом, как выясняется далее, право собственности на законное платежное средство публика «хранит в двух формах: частично в реальных деньгах в карманах и в кассах, а частично на балансе/на счете в банке»⁸, [3, р.42] и в то же время номинируется «в пересчете на пшеницу», оставляем в исследованиях Артура Пигу и неоклассики в целом. Объяснить это, на наш взгляд, на уровне здравого смысла достаточно сложно, а на уровне теории – тем более. Все же понятно, что ученый строго различает наличность на руках у публики («в карманах и кассах») и законное платежное средство, т.е. деньги, которые публика хранит в банке (и на которое она «право имеет»)⁹. При хранении денег в банке публика получает взамен (именно взамен) некие ценные бумаги, или сертификаты, или свидетельства, которые Артур Пигу и называет «право собственности на законное платежное средство».

Название версии количественной теории денег ученых из Кембриджа имеет устойчивое выражение: «cash balance approach», тогда как Фишер, конечно, знал об этом явлении и описывал его, используя понятие «cash reserve», которое можно перевести как «кассовый резерв» или даже «запас наличности». Тем не менее выражение приобрело устойчивость, и на русском языке мы традиционно знаем его как «теория кассовых остатков», хотя это не всегда и не совсем верно, не говоря уже о том, что выражение «теория денежных средств» или даже «теория наличности» все-таки точнее, чем

⁷ «Под деньгами я подразумеваю для целей настоящего обсуждения законное платежное средство, а под стоимостью денег я подразумеваю меновую стоимость их единицы» [3, р. 39].

⁸ Хранится на счете в банке, т.е. в безналичной форме, что критически важно.

⁹ Подразумевается, что это депозиты и банкноты (банковские векселя), выпущенные банками.

«кассовых остатков». Верным сегодня представляется, на наш взгляд, и название «теория наличности и безналичности».

Вот здесь, казалось бы, и надо рассмотреть, в чем принципиальная, качественная, фундаментальная разница между наличностью и безналичностью в начале XX века, но Артур Пигу этого не делает вполне сознательно. Вне всякого сомнения, Артуру Пигу были так или иначе известны работы представителей номинализма и австрийской школы хотя бы потому, что их перечисляет в своем трактате его оппонент Б. Андерсон. На наш взгляд, если признать разницу (между наличностью и безналичностью), что Пигу, насколько нам известно, так и не сделал, то под сомнение ставится универсальность закона спроса и предложения в отношении денег, тем самым рушится фундамент неоклассики, категория «деньги» выбивается «из общего ряда», требует отдельного специфического определения или подхода.

Тем не менее, согласно взглядам ученого, деньги (законное платежное средство) принимаются банком и делятся в свою очередь на наличность, которую теперь уже банк хранит в своих сейфах, это его «денежный резерв», и на безналичность, т.е., как уже было сказано, на депозиты и банкноты или некие платежные средства, которые выпускаются банком. У наличности и безналичности – разный статус. Это деньги (для Пигу, как и для Фишера) и еще не-деньги.

Далее Пигу вычисляет «уровень соответствующего спроса для действительного законного платежного средства» (the derived demand schedule for actual legal tender) и конструирует формулу, в которую сначала вводит, а потом выводит, чем значительно ее упрощает, операции, связанные с банком [3, р. 42]. В итоге ученый получает широко известное «уравнение [спроса] Пигу:

$$P = kR/Md \text{ или } Md = kR/P \quad (2),$$

тем самым определяя «спрос на деньги», где P – все тот же титул единицы законного платежного средства по-прежнему «в пересчете на пшеницу». Как изящно выражается Пигу, « P в моем уравнении – это цена денег в терминах вещей» (P in my equation is the price of money in terms of things) [3, р. 53]. Таким образом, ученый упорно измеряет уровень спроса на деньги в пшенице, что также является методологическим недостатком.

Упомянув единожды, что Md – это количество единиц законного платежного средства, ученый больше к этому вопросу не возвращается. Но какова все-таки размерность в уравнении (спроса) Пигу $P = kR/Md$? Если слева в нем P – пшеница (в бушелях), то что в нем справа? Традиционно считалось и считается, что доля или соотношение (в процентах) – речь идет о k – не имеет

размерности, это просто часть целого¹⁰. При этом такая странность: сама часть имеет размерность – это, в конечном счете, деньги (законное платежное средство), а целое, куда входит эта часть, размерности как бы не имеет, непонятные «общие ресурсы», выраженные в непонятных «терминах пшеницы». В таком случае размерность выражения справа, т.е. kR/Md определяется «общим ресурсом» R (в бушелях пшеницы), деленным на законное платежное средство Md . В чем все-таки выражено Md у Пигу? Если тоже в бушелях пшеницы, то это нонсенс, конечно.

Но кроме размерности в уравнении спроса есть еще и размерность предложения. Мало того, есть само предложение, даже раздел «IV. Предложение денег как законного платежного средства» [3, р.54]. И здесь нас подстерегает неожиданное признание ученого: «Формула, изложенная в предыдущем разделе, относится исключительно к спросу. Но, для того чтобы определить ценность чего-либо, необходимо также уравнение предложения» [3, р. 54].

Однако в работах профессор Пигу убеждал, что его уравнение спроса (и только спроса) и уравнение Фишера различаются лишь точкой зрения на единый предмет, т.е. на выяснение ценности денег (именно денег). При этом Ирвинг Фишер как-то обошелся одним уравнением обмена. И с размерностью у него проблем не возникало, поскольку обе стороны уравнения обмена выражались в традиционных денежных единицах. Одна из сторон уравнения обмена Фишера выражала предложение массы денежных знаков, а другая, так надо понимать, спрос на них.

Но у Артура Пигу все иначе. Ему уравнения спроса оказалось мало. Для того чтобы действовал «всеобщий» закон спроса и предложения, нужно было найти «уравнение предложения денег». И оно было, конечно, найдено, точнее, придумано.

Таким образом, если Ирвингу Фишеру хватило одного «уравнения обмена», то у Артура Пигу ценность денег определяется конструкцией из двух уравнений: «спроса на деньги» и «предложения денег». К уже известным уравнениям $P = kR/Md$ или $Md = P/kR$ добавляется:

$$M_s = D \text{ или } M = D + f(P) \quad (3),$$

Почему тогда, если на стороне спроса деньги выражены «в терминах пшеницы», нельзя выразить и деньги на стороне их предложения в этих же «терминах пшеницы»?

В чем же тогда выражено законное платежное средство на стороне предложения денег? Почему-то в золоте. А можно было предложение денег

¹⁰ Коэффициент монетизации k , о котором речь пойдет ниже, размерности не имеет, это доля (в процентах).

выразить в бушелях пшеницы? На наш взгляд, не только можно, но и нужно было.

Что может произойти в точке пересечения этих двух замечательных кривых (2) и (3)? Что мы там увидим? Увидим, для начала, что разная размерность получается, в одном случае (спрос) – это бушели пшеницы, в другом – унции все-таки золота. Насколько это правильно? Дело в том, что уравнение Пигу в корне отличается от уравнения обмена Фишера. Анализируя уравнение Пигу, мы тем самым уходим от проблемы количества денег в обращении, точнее, денежных знаков, что не одно и то же, и приходим к тому, что товарная и денежная масса должны (при наличии неких новых условий и большого желания ученого) где-то и когда-то совпасть, т.е. должен совершиться обмен (обращение, если обмен в масштабах общества). Согласно Пигу, видимо, это равенство уравнений спроса и предложения на денежные знаки (подчеркнем, на денежные знаки), т.е. в случае $M_d = M_s$.

Но что в действительности происходит? В первом уравнении (спроса) в качестве товара у Пигу выступает вся совокупность товаров или общий ресурс с некими коэффициентами, а в качестве денег, точнее, *numéraire* – пшеница. Кстати, могло быть и наоборот. В любом случае в обмене должны быть представлены две стороны (Т и D), только тогда метаморфоз Т – Д – Т возможен. Они и представлены.

Но во втором уравнении «все не так». Там есть некое количество товара – золото, или D, которое предлагается к обмену, а с другой стороны – ничего. Что такое M_s ? Это то же самое золото. Обмена (в рамках самого «уравнения») нет. Или золото меняется само на себя. А значит, и уравнения (3), в общем-то, нет. Товарную и денежную, при всех оговорках, массы у Пигу в уравнении (3) $M_s = D$ представляет золото, причем слева оно в роли «денег», а справа – в роли «товара».

Хорошо, можно и не настаивать на том, что уравнение предложения (3) вообще должно быть. Но и в этом случае надо понять, что же связывает, позволяет ставить равенство между уравнениями (2) и (3)? На наш взгляд, ничего. Ведь закона денежного обращения в этом случае нет, он не работает. Есть лишь закон спроса (в терминах блага [не товара] пшеница) и предложения (в терминах блага [не товара] золото).

Еще один важный момент. Это в учебниках Economics спрос и предложение всегда должны совпасть. Причем сначала совпасть, а уж потом (в следующей теме) студенты узнают, что есть все-таки издержки производства, «два лезвия у ножниц» и т.д. Но для экономической теории, а тем более для практики этого недостаточно, спрос и предложение могут ведь и не совпадать. И, судя по истории денег в XX и XXI веке, почему-то постоянно не совпадали.

Поэтому равенство спроса и предложения, как, впрочем, и неравенство, желательно теоретически доказывать. На основании чего M_d одного уравнения (2) должно быть почему-то равно M_s другого (3)? На наш взгляд, механизм взаимодействия или причинно-следственная связь между M_d и M_s в работе Пигу отсутствует, по крайней мере, эта связь не показана.

В действительности на два уравнения Пигу у нас есть всего лишь один «общий ресурс» или одна некая товарная масса. Будем считать, вслед за ученым, что именно она формирует спрос на деньги самим фактом своего существования. А вот предложений у нас два, есть два предложения денег, причем оба почему-то в товарной форме, в форме двух товаров. В одном случае это пшеница в качестве *numéraire*, а в другом золото в качестве действительного законного платежного средства, или денег.

Когда речь идет об уравнении спроса, в качестве товара у Пигу выступает совокупная товарная масса, а в качестве денег или *numéraire* – пшеница. Почему нет? А во втором выражении, описывающем предложение денег, золото выступает в качестве товара, но уравнения как такового нет, обмена нет, поэтому золото выступает также и в роли денег. Основанием для этой конструкции является лишь традиция воспринимать золото как товарные деньги.

Поскольку уравнения нет, то предложение золота (как товара) висит в воздухе, оно равно самому себе, т.е. ничем не обусловлено, не ограничено, является произвольным. И Пигу это признает: «Во-первых, количество законного платежного средства, доступного в любое время, может быть установлено произвольным решением правительства, так как речь идет о стране, выпускающей и использующей только неконвертируемые [в золото] бумажные купюры (*raref notes*). Согласно такой схеме кривая предложения законного платежного средства, очевидно, представляет собой вертикальную прямую линию, зафиксированную в том месте, которое соизволит определить правительство» [3, p. 54–55].

Тем не менее, согласно экономической теории, если у Пигу это все-таки «предложение» золота, ситуация описывается так: эластичность предложения $E_s^P = 0$, где S – предложение (*supply*) товара, в данном случае товара «золото» (выбор произволен, т.е. может быть взято любое количество товара «золото»), он [товар] или оно [золото] может быть обменено в свою очередь, так надо понимать, на сколь угодно малое или большое количество в терминах пшеницы. Поскольку кривая предложения отражает желание «продать», то очевидно, что такая версия не соответствует экономическому смыслу в силу даже не вертикали линии на графике, а в силу именно произвольности выбора первоначального количества товара.

Не исключено, что вертикальная кривая золота может быть и кривой спроса, тогда эластичность спроса $EDP=0$, где D – спрос (demand) товара золото. В этом случае кривая спроса отражает желание «купить» по любой цене «в терминах пшеницы», что также не соответствует экономическому смыслу.

Что исключено, так это то, что предложил Пигу в 1917 году, но не рискнул показать графически, а через несколько лет, в 1923 году, в качестве приложения под названием «Краткое изложение в графической форме...» [8, с. 282–284] все-таки опубликовал Маршалл. Не может быть, чтобы на графике, а у Маршалла именно так, деньги были отложены *одновременно* и по оси Ox (золото в роли денег в уравнении (3) предложения денег) и по оси Oy (пшеница в качестве *numéraire* в уравнении спроса (2) на деньги). Золото, как это изображено на графике Маршалла, может быть только товаром, но не деньгами, и тогда оно действительно «обменивается» на *numéraire* – пшеницу, как это предлагает сделать Маршалл и на что намекает Пигу.

Вывод: если следовать методу построения графика спроса и предложения Альфреда Маршалла, то в случае уравнения предложения денег, как оно представлено графически, денег-то как раз и нет, а есть предложение товара золото.

Можно ли все-таки и каким образом рассматривать золото в качестве денег? Пигу это делает, пользуясь тем, что в условиях золотого стандарта деньги, точнее, денежные знаки выступают в форме специфического товара золото. На наш взгляд, это неверное решение проблемы. Появляется желанная иллюзия, что спрос и предложение денег/на деньги, причем в товарной форме, имеет место и его даже можно регулировать, хотя ради этого приносится в жертву «количество», а именно количество золота в роли денег устанавливается учеными из Кембриджа произвольным образом (что в эпоху золотого стандарта выглядит более чем странно).

Уравнения спроса и предложения денег у Пигу объединены абсолютно произвольно, связь между ними не прослеживается, но если предположить, что количество денег спроса и денег предложения все-таки совпадают, т.е. равны ($M_d = M_s$), то и правые части уравнений должны также быть равны

$$D = P/kR \quad (4).$$

Надо полагать, что в точке равенства (4) или пересечения на графике возможен обмен. Таким образом, что если выражение $P/kR = D$ (4) верно, то верно и

$$P = kDR \text{ или } P/DR = k \text{ и даже } P(1/k) = DR \quad (5).$$

Отметим те явные логические противоречия, которые присутствуют в рассуждениях ученых в отношении количественной теории денег. Цель статьи Пигу 1917 года, книги Маршалла 1923 года, как и теории «cash balance

approach» в целом – не анализ новых форм и явлений начала XX века, а фиксация закона спроса и предложения экономической категории «деньги», что, на наш взгляд, было сделано с серьезными методологическими упущениями.

Артур Пигу рассуждает о банкнотах и депозитах, но реально в анализе рассмотрен денежный агрегат M_0 , т.е. наличность, и не просто наличность, а в товарной форме, т.е. в золоте. Во всеобщем законе денежного обращения К. Маркса деньги также представлены денежным агрегатом M_0 , точнее, золотом, а у И. Фишера в уравнении обмена участвует уже денежный агрегат M_1 . Это не просто наличность и безналичность, не просто агрегаты M_0 и M_1 , это качественно разные основания денежной системы. Если коротко, это товарные деньги (деньги государства в лице центрального банка) и деньги, создаваемые коммерческими банками, т.е. во многом фиктивные (с точки зрения соответствия их товарной массе).

Если товарно-денежное обращение ограничивается агрегатом M_0 , т.е. золотом (можно шире, товарными деньгами), то количественная теория в версии ученых из Кембриджа теряет экономический смысл, она в принципе неактуальна, поскольку нет деления на наличные и безналичные деньги, деление на деньги публики и деньги банка.

В работе Пигу постоянно присутствует эта вынужденная двойственность. Прослеживается она и в отношении определения коэффициента k – доли ресурсов, которую общество предпочитает хранить (держать) в форме права собственности/титула на законное платежное средство. «Право собственности», или титул (title), или сертификат на законное платежное средство¹¹, т.е. на деньги, объединяет (в понимании Пигу) собственно деньги и их заменители, что было характерно для той эпохи. Что такое собственно «деньги», ученый не определяет. А вот их заменители или заместители, как на тот момент считалось и определялось, называет. Это банкноты (векселя) и депозиты (деньги на счетах).

На тот момент, момент перехода к фиатным деньгам, банкноты (векселя) и депозиты (деньги на счетах), т.е. те формы, которые сегодня признаются полноценными деньгами и участвуют в формировании денежной массы в составе агрегатов M_0 и M_1 , в начале прошлого века таковыми не считались.

¹¹ «Под этим термином я понимаю действительное законное платежное средство (для практических целей разменная монета могут считаться частью этой совокупности), [а также] банкноты (банковские векселя) и депозиты/средства на счетах [в банке], на которые могут быть выписаны чеки» (Under this name I include actual legal tender (for practical purposes token coins may be reckoned as part of this), bank notes, and bank balances against which checks can be drawn) [3, p. 41].

Итак, k определяется ученым как доля «общего ресурса», как доля или часть товарной массы, которая лишь меняет форму на денежную или квазиденежную, но тем самым эта доля перестает быть частью товарной массы, не может ею быть, эта якобы «часть» уже противостоит целому. И то, что в начале прошлого века, в эпоху золотого стандарта, было неочевидно, в начале века нынешнего стало вопросом жизни и смерти не только теории Пигу, но и породившей ее практики.

Почему такое произошло? Спрос на деньги порождается некой общей товарной массой R . В то же время, согласно Пигу, тот же самый спрос удовлетворяется и равен лишь некой части или доле товарной массы R в объеме и форме k . Но обращения денег в уравнениях Пигу нет, «совместить» закон денежного обращения и закон спроса и предложения неоклассика не смогла. Собственно, поэтому Пигу (как и Маршалл) все время говорит о владении, о хранении денег, иными словами, о функции денег как средства сохранения/накопления ценности. Для выполнения такой специфической функции весьма желательно, чтобы деньги, точнее, денежные знаки имели собственную или внутреннюю ценность, минимально зависимую (в идеале вообще независимую) от производства общей совокупности товаров. В этом случае функции всеобщего эквивалента и сохранения/накопления ценности работают в унисон и позволяют автономно сохранять, тем самым рыночно регулировать денежную массу в обращении.

В работах Пигу и Маршалла функции денег как средства обращения ценности и средства сохранения ценности не только не разделены, но и сознательно смешаны, что скрывает существующие проблемы. Основная – проблема инфляции – хорошо известна и, к сожалению, знакома всем. При товарно-денежном обращении часть товарной массы физически хранится «на складе», в то же время находясь в обращении. Точно так же, согласно Пигу, денежные знаки физически хранятся в сейфах и в карманах публики, а также в сейфах и на расчетных счетах в банках, т.е. как бы «на складе»/в резерве, но в то же время, без сомнения, находясь в обращении.

При повсеместном переходе/трансформации денежных знаков в бумажную и безналичную формы получается, что в сейфах и в карманах публики, а также в сейфах и на расчетных счетах в банках хранится, по сути, фикция, иногда это бумага, а все чаще просто запись, гарантированная лишь честным словом правительства.

Именно поэтому, по мнению Кейнса, «Уравнение [Пигу] полностью скрывает возмущения, которые на практике являются одним из наиболее важных видов возмущений, возникающих в результате изменения пропорций, ради которых депозиты хранятся для различных целей, определенных выше как

сбережения, бизнес и доход. Кроме того, ему не под силу анализ нарушений уровня цен из-за различий между темпами сбережений и инвестиций» [4, p. 208].

Далее, в §6, озаглавленном «Доля ресурсов, хранящихся в форме законного платежного средства», Пигу рассматривает переменные, включенные им в формулу (7), при этом вновь трактуя переменную k как количество титула законного платежного средства и анализируя коэффициенты c и h как воздействующие на величину k .

$$M = kR/P \{c + h(1 - c)\} \quad (7),$$

Напомним, « c – это доля титула на законное платежное средство», которую публика (у Пигу репрезентативный ее представитель) «выбирает для хранения в действительном законном платежном средстве (включая разменные монеты)» [3, p. 43]. Иными словами, публика выбирает, какую долю хранить в наличности, т.е. в реальных деньгах того времени, а какую – в банке, т.е. в безналичности, не очень привычно для нас именуемой Пигу «правом собственности» или «титулом» на деньги.

В то же время деньги (наличность) и «еще-не-деньги» (безналичность) объединены Пигу в категорию «еще-не-деньги» (т.е. та же самая безналичность) без дополнительного определения этой обобщающей категории, что вносит некоторую путаницу.

На самом деле экономические категории «деньги» и «еще-не-деньги», точнее, категории «наличность» и «безналичность», не стали, не являются и не могли стать тождественными. Именно поэтому их в итоге объединяет непонятно-неопределенный термин «ликвидность». А коэффициент k (его называют иногда «коэффициент Маршалла») стал символом этой экономической категории.

Ну, и «остается переменная h , то есть доля действительного законного платежного средства, которую банковская система предпочитает хранить/держат в отношении своих обязательств перед клиентами». [3, P. 50]. Если k – это доля, которую «хранит» в деньгах и их заменителях публика, то h – это доля, которую «хранит» в деньгах уже банк (для выдачи публике в обмен на ее «право собственности»). В итоге у Пигу получается интересное уравнение (7), учитывающее роль банковской системы как (нового) фактора в «спросе» на деньги и еще-не-деньги, точнее, на денежные знаки, что вполне разумно.

Эта формула (7) фактически отсутствует в учебниках, редко встретишь ее даже в академических статьях, но именно она заставляет по-новому взглянуть как на работу Пигу, так и на «теорию денежных остатков» в целом. Проблема в том, что господствующую сегодня форму денег (по мысли неоклассики), т.е. деньги в «безналичной форме», или безналичность, все труднее представить

как часть товарной массы, как часть действительного материального богатства, что является методологической основой уравнения ученых из Кембриджа.

Мало того, с течением времени утверждение К. Маркса о том, что деньги являются лишь представителем материального богатства¹², а не наиболее привлекательной частью этого богатства, получает все более весомое подтверждение на практике и все смелее озвучивается в теории. Здравый смысл буржуазной уверенности в том, что деньги – это и есть богатство, уже не раз подводило и еще не раз подведет публику. Получается, что на самом деле (у Пигу) материальному богатству мира товаров противостоит какая-то ликвидность? Какой тогда смысл в сохранении или накоплении этой «экономической фикции»?

При этом Пигу вслед за Маршаллом полагает, что вместо теории стоимости Рикардо на все вопросы экономической теории ответит комбинация теории предельной полезности и, конечно, спроса и предложения. Логика такова. У Пигу «средний человек» стоит перед выбором: какую долю принадлежащего ему общего ресурса хранить в наличной и безналичной форме, т.е. в ликвидности, пусть и «в терминах пшеницы», какую долю ему истратить на потребление и какую инвестировать в производство. И, разумеется, «эти три вида использования: получение удобства и безопасности, [а также] производство товаров и непосредственное их потребление – конкурируют друг с другом» [3, p.44].

Вне всякого сомнения, у бизнесмена в реальности совсем другая логика, логика, которую диктует ему жесткая динамика и специфика реального производства. Но интересно другое: Пигу «убрал» непосредственное потребление не просто так. Его место в мысленной конструкции ученого тут же заняло якобы потребление и, что характерно, удовлетворение, «получаемое от последовательности единиц ресурсов, выделяемых на будущее производство» [3, p. 44], которое, как водится, «уменьшается по мере того, как количество единиц, направляемых на этот вид использования, увеличивается» [3, p.45]. Тем самым бизнесмен у Пигу при «потреблении» капитала получает (или планирует получить) не только удовлетворение, но и прибыль, а вот при «хранении» ликвидности этого не получается.

Сравнивать, тем более уподоблять производство товаров их потреблению, как это делает ученый, конечно, абсолютно некорректно, даже если «потребляются» капитальные товары. Но и «хранение» (или все-таки

¹² «Качественно или по своей форме деньги не имеют границ, т. е. являются всеобщим представителем вещественного богатства, потому что они непосредственно могут быть превращены во всякий товар [7, с. 144].

«потребление»?) ликвидности с удовлетворением тоже нельзя сравнивать. Тем не менее Пигу непреклонен: «Точно такое же утверждение справедливо в отношении удовлетворения, получаемого от каждой следующей единицы ресурсов, хранимых в форме титула на законное платежное средство» [3, p.45].

Как результат этой словесной манипуляции появляется математика, «кривые, отражающие стремление к использованию ресурсов, соответственно, в производстве и в деньгах (in production and in money)» наклоняются вниз...» [3, p.45] и происходит математическое равенство, называемое для краткости «теория маржинализма», которое в итоге «даст одинаковое количество удовлетворения» [3, p.45]. Тем самым бизнесмен сможет наконец-то принять свое математически выверенное решение на основе предопределенного теорией выбора.

Теория денег – ахиллесова пята как теории предельной полезности, так и взявшей последнюю в качестве методологической основы неоклассики, не говоря уже об австрийской экономической школе. По большому счету, теория денег – ахиллесова пята всей современной экономической теории, т.е. mainstream. Не подчиняется категория «деньги» закономерностям «потребления» и «удовлетворения» стандартной потребительной стоимости. И потребление у нее весьма специфическое, без амортизации и морального износа, не говоря уже об износе физическом, имеющем место при использовании капитала. Это использование, в лучшем случае «употребление», но никак не «потребление». Нельзя свести производственное отношение «деньги» к его носителям, т.е. денежным знакам в разных формах, нет, поэтому и не должно быть у категории «деньги» ни убывания, ни увеличения отдачи, поскольку экономическая сущность (или природа) денег – другая, это всего лишь средство обмена товаров на основе всеобщего эквивалента.

Как известно, в рамках количественной теории денег «вопрос о *природе денег* не играет практически никакой роли, он вообще выведен за ее пределы и отдан для обсуждения «маргиналам» от экономической теории – так называемым гетеродоксным экономистам» [10, с. 134]. Стоит отметить, это верно и для mainstream в целом.

Что действительно значимо и ценно в небольшой, но емкой работе Артура Пигу, так это понимание перспектив развития ликвидности. И расширенная формула Пигу (7), и «исправленное уравнение» Фишера как раз о том, что замена денежных знаков в товарной форме на форму банковскую или кредитную, а на поверхности, в явлении, трансформация денежных знаков как в рамках самой наличности (замена золота бумагой), так и замена наличности безналичностью – теоретический результат анализа замещения одной формы меновой стоимости другой. И Ирвинг Фишер, и Артур Пигу пытались не

только описать процесс замещения на уровне явления, таких попыток было множество, но и предложить теоретическую концепцию, объясняющую причины этого замещения. Иными словами, ими рассматривались так или иначе проблемы происхождения денег.

Интересно, как по-разному учеными оценивались перспективы развития. Если Ирвинг Фишер практически был вынужден говорить о безличности и делал это, на наш взгляд, крайне неохотно, поскольку даже интуитивно понятно, что уравнение обмена работает как физический «обмен» (или движение) денежных знаков в рамках метаморфоза $T - D - T$. Товарно-денежная основа уравнения обмена так или иначе сохраняется.

Тогда как Артур Пигу, напротив, «оставляя в стороне банкноты (bank notes) как относительно неважный [момент]» [3, р.49], обращает внимание на другое: «Чем больше людей будут иметь банковские счета, тем более широко распространенной и лучше организованной станет банковская система» [3, р.49], т.е. ученый озабочен, главным образом, анализом стремительно развивающегося коммерческого безналичного оборота¹³.

И хотя слова, описывающие перемены, принадлежат все же Фишеру¹⁴, а Пигу их только цитирует, сама цитата примечательна: «В настоящее время мы переживаем длительный переходный период, в течение которого механизм использования чеков вместо денег (checks relatively to money) расширяется с поразительной быстротой. Именно это является доминирующей чертой нынешней ситуации и составляет главную основу предпринятого здесь прогноза» [3, р.49].

Какова же собственно доля ликвидности или прав на законное платежное средства в общем ресурсе или материальном богатстве, которым владеет общество? Точнее, какова даже не величина ликвидности (Пигу рассматривал именно ее, хотя в экономической литературе принято говорить о наличности) нужной обществу, а какова методика ее расчета? Все, что профессор Пигу смог предложить *ubi et ubi*, так это рассуждения (сказанное им, безусловно, необходимо, но явно недостаточно). Развитие банковской, а затем финансовой системы, экономики в целом – все это правильно, лежит на поверхности, но не показано Пигу ни количественно, ни по сути дела, т.е. качественно. В принципе никакого уравнения в рамках его рассуждений не нужно, поскольку оно бессодержательно с точки зрения методики расчета. Точнее, все ее содержание может быть выражено одной-единственной короткой фразой, сегодня это уже

¹³ Верно отмечая новую роль банковской системы, ученый не говорит при этом ни слова о финансовом рынке, чем резко сужает значение и экономический смысл его уравнения. Этот недочет, т.е. отсутствие спекулятивного мотива, будет исправлен Дж. Кейнсом.

¹⁴ «Ирвинг Фишер пишет о последних переменах условий в Америке» [3, р. 49].

практически аксиома: с развитием общества доля наличности в товарно-денежном обращении [в течение последнего столетия] неуклонно сокращается и замещается безналичностью банковской системы.

Основной вывод Артура Пигу в общем-то очевиден: во все более развитом [в финансовом отношении] обществе публика пользуется ликвидностью постоянно, постоянно имеют место продажа и покупка товаров и услуг, в силу чего денежные потоки с необходимостью образуют некие временные остановки, ликвидность неизбежно хранится какое-то время в кошельках как у самой публики, так и в кошельках (сейфах и на расчетных счетах), которые создаются для публики в банках.

При этом критически важный для практики, а значит, в конечном счете, и для теории вопрос не только в том, сколько нужно ликвидности обществу, но и в том, насколько содержимое этих кошельков экономически стабильно и надежно. Если в работе Фишера эти вопросы четко поставлены, хотя считается, что он анализировал только обмен (уравнение обмена), то в публикации Пигу говорится лишь об удобстве пользования и безопасности, а проблема стабильности денег (инфляции и дефляции), т.е. проблема их сохранения, а тем более накопления, как это ни странно, даже не упоминается.

Хотя эти два вопроса – две стороны одной медали: изменяя величину ликвидности, а банковская система в рамках ее современной модели не просто в состоянии это делать, но и непрерывно делает во все больших масштабах, система изменяет тем самым и ее стабильность, т.е. «меновая ценность денежной единицы» изменяется автоматически. При этом не остается сомнений в том, что величина k – вообще-то совсем не константа, поскольку она зависит от ряда переменных, перечисляемых в работе ученого.

Артур Пигу в своей статье не выделяет явно важный фактор, который Дж. М. Кейнс не постеснялся представить как ключевой: фактор психологический. Хотя Пигу и упоминает о нем в статье: «Выбор между фактической наличностью и банкнотами/векселями, а также средствами на счетах в банках определяется в основном обычаем и удобством» [3, р.49]. Есть в тексте и еще одно упоминание об этом факторе: «Уровень общего производного спроса отчасти зависит от того, какой выбор делает в этом вопросе общественное мнение» [3, р.42].

Уравнение Пигу, на наш взгляд, практически бесполезно для вычисления количества ликвидности, нужной обществу, тем самым для регулирования ее количества в масштабах общества, хотя идея ученого состояла как раз в том, чтобы найти методику такого расчета. Роль уравнения скорее в том, чтобы качественно подчеркнуть, обозначить такой важный момент, как решения публики, точнее, бизнеса, а тем самым и решения банков/банкиров, в том числе

центрального банка, в отношении оценки нужного ему [бизнесу] объема ликвидности в той или иной форме, его динамики, что в рамках статического по определению уравнения Пигу вычислить/рассчитать невозможно в принципе.

В экономической литературе прочно закрепилось понятие «уровень» или «коэффициент монетизации», иногда его называют «коэффициент Маршалла» и определяют, по обыкновению, как отношение денежной массы к валовому внутреннему продукту, или $M2/ВВП$ [9, с.1]. Интересно, что иногда эти понятия [количество денег и коэффициент k] даже отождествляются, например, можно встретить выводы такого рода: «Суть поставленной проблемы заключается в определении количества денег в обращении, или коэффициента монетизации ВВП страны» [11, с.119], что, безусловно, не верно¹⁵.

Сегодня принято считать¹⁶, и это положение вошло во все учебники Economics, что количество денег (или спрос на них) можно определять и через величину дохода общества, а последнюю выражает созданный (именно созданный в течение года) продукт всего общества (обычно ВВП, но встречается и национальный доход, и валовый национальный продукт [12, с. 60]), хотя Пигу об этом не упоминает. Тем не менее ВВП как показатель дохода общества¹⁷ – общее место, но увязывать доход общества (именно доход) со спросом на денежные знаки Пигу не рискнул, т.е. говорить об этом не стал.

Если Пигу полагал, что коэффициент k определяет ту долю общих ресурсов, которую общество хранит/держит в ликвидности того времени, наравне с товарами и капитальными товарами, то современная трактовка коэффициента k , или «коэффициента Маршалла», говорит совсем о другом. Коэффициент монетизации показывает уровень развития финансовой системы в той или иной стране.

Принципиальное различие таково: если Артур Пигу пытался определить зависимость величины ликвидности от общего уровня (на душу) экономики страны, а также от развития финансовой системы, что вполне разумно, то современная трактовка «коэффициента Маршалла» полагает ровно обратное: насколько уровень развития экономики страны зависит от ее монетизации. Тем самым уровень монетизации, при всех оговорках, приобрел в

¹⁵ Понятие «коэффициент монетизации» использует, как правило, лишь один из денежных агрегатов. Соответственно, такие понятия, как «денежная масса» и «ликвидность», не имеют в настоящий момент четкой количественной (статистической) определенности. Но главное, не учитывается промежуточный продукт, точнее, его оборот, для обслуживания которого также необходима «денежная масса».

¹⁶ «Определенный процент доходов, который для удобства держится в форме денег, и представляет собой коэффициент Маршалла» [12, с.60]. «Таким образом, А. Маршалл впервые ввел самостоятельный показатель, численно равный отношению денежной массы к валовому доходу» [12, с.60].

¹⁷ В уравнении Пигу R , т.е. общие ресурсы, которыми пользуется все общество, конечно, представляют собой национальное богатство.

экономической теории самостоятельное значение, что явно не стыкуется со взглядами ее отцов-основателей.

Уже не говоря о том, что в представлении Пигу коэффициент k численно не может быть больше 1 (или 100%), т.е. часть не может быть больше целого¹⁸, в то время как доля монетизации экономики по агрегату M2 в ряде стран сегодня подбирается к 200%.

Выводы

Согласно практике того времени, которую Пигу возводит в теорию, какую-то часть своего дохода представитель всегда (всегда) держит в ликвидности. И чем выше у этого представителя (общества) уровень дохода, тем выше у него, соответственно, доля ликвидности, что очевидно для эпохи перехода. У нас же, как обычно, парадоксальная ситуация: по степени использования платежных технологий Россия – в мировых лидерах, а уровень монетизации тем не менее неприлично низок.

Денежная масса не объясняет национальных особенностей, не объясняет, почему при примерно одном и том же уровне ВВП (на душу) уровень монетизации настолько различен. Ведь исходя из представлений неоклассики, логично предположить, что примерно одинаковый уровень развития ВВП (на душу) дает примерно одинаковый уровень монетизации. Но практика это если и подтверждает, то совсем в общем и целом.

Главное, теория не может ответить на очень простой вопрос: есть ли оптимальный уровень монетизации и каков он¹⁹. Не говоря уже о том, что уровень монетизации должен быть как-то связан с уровнем инфляции и другими важнейшими показателями монетарной политики.

Но парадокс в том, что, казалось бы, позитивная (и прогрессивная) тенденция, зафиксированная И. Фишером и А. Пигу при молчаливом неодобрении научным сообществом того времени, подошла сегодня к своему логическому концу. Трансформация наличного оборота в безналичный в ряде стран практически завершена. И это очередной экономический и логический тупик.

Не количественная теория, но всеобщий закон денежного обращения будет верен, если та или иная форма криптовалюты (скажем, биткоин или эфир) станет деньгами, т.е. будет полноценно и регулярно исполнять все денежные функции, тем самым преодолевая противоречивую практику XX века.

¹⁸ В КНР в 2018 – 198 %, а в Японии – 185 % [13, с. 1].

¹⁹ «Ни одна из представленных теорий не дает ответа на вопрос, какая степень насыщенности экономики деньгами (или доля национального дохода, находящегося в виде денег, по А. Маршаллу) является оптимальной. И есть ли вообще такое оптимальное значение?» [12, с.60].

Можно ли «вернуться» по спирали к классике и неоклассике жанра? Если в рассуждениях Пигу вместо золота рассматривать и использовать криптовалюту bitcoin в ее современном виде, то последняя идеально подходит на роль «цифрового золота». Возможно ли это в принципе? В теории, конечно, да. Но трансформация меновой стоимости, в итоге которой финансовый пузырь, надуваемый с 1944 года, все-таки лопнет, в очередной раз грозит огромными социальными потрясениями. Возможно, поэтому современная теория денег пока не готова на то, чтобы встретить и принять вызов со стороны криптоэкономики (бурного развития криптовалюты и DeFi на ее основе).

Список источников

1. **Anderson Benjamin McAlester.** The Value of Money. New York: Macmillan, 1917, P.610.
2. **Шумпетер Й.А.** История экономического анализа: В 3-х т. / Пер. с англ.; под ред. В. С. Автономова. – СПб.: Экономическая школа, 2004. – Т3. – 678 с.
3. **Pigou A. C.** The Value of Money// The Quarterly Journal of Economics, Vol. 32. No. 1 (Nov., 1917), pp. 38–65.
4. **Keynes J. M.** A Treatise on Money. London, 1930, Vol. 1. P. 408.
5. **Маркс К.** Капитал. Т. 3// Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т.25, ч. I. – 545 с.
6. **Фишер И.** Покупательная способность денег, 2006. – 237 с.
7. **Маркс К.** Капитал. Т.1// Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т.23. – 907 с.
8. **Marshall Alfred.** Money, Credit & Commerce. Macmillan & Company, limited, 1923. P. 369.
9. Монетизация экономики. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Монетизация_экономики (дата обращения 2021-02-22).
10. **Тамбовцев В.Л.** Финансовый кризис и экономическая теория//Вопросы экономики. 2009. № 1. С. 133–138.
11. **Баликоев В.З.** Уровень монетизации экономики России: поиск оптимума// Вестник НГУЭУ. 2017. № 1. С. 118–133.
12. **Греков И.Е.** О совершенствовании подходов к определению монетизации экономики и обоснование его оптимального уровня// Финансы и кредит. 2007. № 11. С. 60–70.
13. Коэффициент монетизации экономики, динамика в России и странах. URL: <https://prognostica.info/news/show/38> (дата обращения 2021-02-22).

References

1. **Anderson Benjamin McAlester.** The Value of Money. New York: Macmillan. 1917. P.610.
2. **SHumpeter J.A.** Istoriya ekonomicheskogo analiza: V 3-h t. / Per. s angl, pod red. V. S. Avtonomova. – SPb.: Ekonomicheskaya shkola, 2004 g. – T3. – 678 s.

3. **Pigou A. C.** The Value of Money // The Quarterly Journal of Economics. Vol. 32. No. 1 (Nov., 1917), pp. 38–65.
4. **Keynes J. M.** A Treatise on Money. London, 1930, Vol. 1, P. 408.
5. **Marks K.** Kapital. T. 3// Marks K., Engel's F. Soch. – 2-e izd. – T.25, ch. I. – 545 s.
6. **Fisher I.** Pokupatel'naya sposobnost' deneg, 2006. – 237 s.
7. **Marks K.** Kapital. T.1// Marks K., Engel's F. Soch. – 2-e izd. – T.23. – 907 s.
8. **Marshall Alfred.** Money, Credit & Commerce. Macmillan & Company, limited, 1923. P. 369.
9. Monetizaciya ekonomiki. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Monetizaciya_ekonomiki (data obrashcheniya 2021-02-22).
10. **Tambovcev V.L.** Finansovyy krizis i ekonomicheskaya teoriya // Voprosy ekonomiki. 2009. № 1. С. 133–138.
11. **Balikoev V.Z.** Uroven' monetizacii ekonomiki Rossii: poisk optimuma // Vestnik NGUEU. 2017. № 1. S. 118–133.
12. **Grekov I.E.** O sovershenstvovanii podhodov k opredeleniyu monetizacii ekonomiki i obosnovanie ego optimal'nogo urovnya// Finansy i kredit. 2007. № 11. S. 60–70.
13. Koefficient monetizacii ekonomiki, dinamika v Rossii i stranah. URL: <https://prognostica.info/news/show/38> (data obrashcheniya 2021-02-22).